

О Египет, Египет! — придет день, когда от твоей религии останется только сказка, сказка невероятная для твоих потомков; сохранятся лишь несколько слов, начертанных на камне, передающих память о твоих великих деяниях...

Гермес Трисмегист

Есть ли большее счастье, большая радость, чем обожать красоту, медленно встающую в далах невозможного?

Кальдерон

Я не в силах перечислить те ночи, которые, весь дрожа, я отдавал познанию непознаваемого.

Саади¹¹¹

Если бы Бог предложил мне на выбор в правой руке всю истину, а в левой единое вечное стремление к истине, соединенное с постоянными заблуждениями, я принял бы во внимание, что сама истина существует только для Бога, и почтительно попросил бы Его отдать мне то, что лежит в Его левой руке.

Г. Э. Лессинг

Предисловие

Я не боюсь людей, ибо не жду и не желаю от них ничего.

Ж. А. Сент-Ив д'Альвейдр^[2]

Культура конца XIX века, ее характер и первенствующие стремления суть следствия усилий и исканий человеческого рода за последние восемь-девять столетий. Крестовые походы и рост императорской власти положили предел теократическому направлению жизни Европы, явились заключительным актом эпохи, когда все зиждилось на исключительном стремлении к религиозным идеалам. Первые гуманисты, начиная с Франческо Петрарки и Джованни Боккаччо, положили основание новой эре, воздвигнув новое знамя, поставив новую цель человеческим стремлениям^[3]. Круг друзей Козимо и Лоренцо Медичи, восприняв идеи Петрарки и Боккаччо, выработал начала мировоззрения, предначертавшего весь последующий ход мировой истории. Поняв бесплодность метафизических изысканий, раз они не связаны с данными эмпирического опыта, гуманисты поставили своим девизом изучение прежде всего того, что может быть исследовано эмпирическим путем. Время расцвета гуманизма и успеха реформации есть начало современной науки, ибо все то, что составляет гордость технической культуры, было достигнуто человеком лишь начиная с XV века. Именно с этой поры все усилия человеческого рода всецело направились к изучению *отдельных* явлений, к исследованию *отдельных* вопросов и к созиданию *отдельных* отраслей человеческого знания¹.

Так продолжалось до конца XVIII столетия, когда произошел великий перелом истории: от изучения *единичных* вещей человек перешел к стремлению познать их *синтез*, и век энциклопедистов в преемственной его связи со столпами эмпирической философии есть эпоха созидания человечеством синтеза всего познанного на пути предыдущих веков.

---

¹ Поэтому глубоко справедливо замечание Виндельбанда, что «культура Возрождения началась в индивидуализме».

Однако, столь долго придерживаясь исключительно опытного пути, основываясь лишь на внешней, формальной стороне явлений, разум человеческий и теперь, естественно, стал искать синтез *в том же самом модусе сознания*, стремился найти *эмпирический синтез*, то есть непосредственно ощущаемую первооснову. Таковой первоосновой явилась *материя*, и это учение, обобщаемое со всеми различными его частными течениями, есть то, что известно под именем *материализма*.

XIX век — это эпоха, когда человек стремился утвердить свой гипотетический синтез, стремился выявить его во всей полноте, претворить в реальность и связать со всеми дифференциальными деталями. Этот век есть в действительности лишь заключительный аккорд долгого пути; именно в течение его человеческие искания вылились во вполне определенную форму, достигли, казалось, конечных ступеней своего развития. Настало время, когда, по всецело господствовавшему мнению, оставалось сделать лишь последние заключительные штрихи, чтобы закончить вполне величественный Храм Знания¹. Это было грустное время, потому что *само знание человека начало давить его*. Все было так ясно, так определено, что вся будущая жизнь людей должна была, казалось, быть посвящена лишь скрупулезному анализу давно известных фактов. Отдельные открытия, изученные законы и вполне достоверные гипотезы так слились между собой, так проникли взаимно друг в друга, образовали столь совершенно замкнутое целое, что в будущем нечего было ждать сколько-нибудь значительных открытий. Большинство представителей почти всех отдельных отраслей знания человеческого открыто признавали, что век великих гениальных открытий кончен, что будущее истории науки будет лишено ярких красок, что оно будет представлять собой лишь гигантскую совокупность тщательнейших повторных опытов и детальных исследований. Дух живой отлетел от людей, жизнь потеряла всякую ценность, ибо хотя грандиозный успех позитивной науки и техники и давал все удобства жизни, но всем высшим запросам человеческого существа вовсе не оставалось места. Все, что есть в человеке чистого, высокого и прекрасного, этой культурой совершенно *игнорировалось*, за ним отрицалась всякая реальность, всякая субстанциональная ценность

---

¹ Эти мысли являются характерными большинству философов последнего времени. С особенной яркостью эти идеи развивались Огюстом Конттом и Джоном Стюартом Миллем; см. также Тиндаля в его «Фрагментах науки (*Tyndall J. Fragments of Science*. 1871. P. 362). Насколько наивно было заблуждение крайних позитивистов, особенно ярко свидетельствует хотя бы тот факт, что не прошло пяти лет с тех пор, как О. Конт, наметив пределы науки, поставил среди *ignogabimus* возможность изучения состава небесных тел, как был открыт спектральный анализ и огромная область неведомого и непостижимого сделалась сразу хотя еще и неизвестной, но уже открытой постижению испытующего человеческого гения.

и лишь в лучшем случае *терпелось*, как забава и отдых, на различных «фабриках удовольствий»¹⁴. Идеалов не стало, ибо отрицалась самая возможность чего-либо высшего, чем сама жизнь. Тождественность природы синтеза с единичными явлениями породила коллективизм и поставила его на место синтеза; не только индивидуальность, но и личность исчезла; воцарилось царство толпы — этого естественного образа материального синтеза, пародии Синтеза Истинного¹⁵.

Несмотря на пышность формы созданного им знания, человек тем не менее непрестанно наталкивался на противоречия. Он не только откидывал, как иллюзию, даже реальность собственного самосознания, но и чувствовал вместе с тем, что все его знание навеки бессильно дать ответ на какой-либо вопрос, как только он касается *сущности явлений*. Человечество выстроило грандиозное здание на песке, на раздробленных единичных сведениях, не связанных между собой, оно приняло за основание мир явлений, забыв, что все части его вечно перемещаются по отношению друг к другу. Вот почему, когда извне сферы эмпирического опыта, из глубин духа человеческого, последовал удар, все величественное здание должно было пасть, смытое волнами, хлынувшими из внесознательной стороны человеческого существа¹. Человек не сумел сразу создать истинный синтез, он выявил все следствия из начальных постулатов, но он и не пытался подвергнуть их самих анализу, затемняя вопрос или попросту открыто создаваясь в своем бессилии. «*Все известно, все объяснено, все следует одно из другого, но все одинаково непонятно*» — вот лозунг минувшей эпохи.

Начало XX века — это переворот во всех отраслях человеческой мысли. Родилось непоколебимое стремление к анализу конечных причин, подверглись изучению все те первоосновы, все те постулаты, на которых зиждилась наука в продолжение стольких веков. Если Периодическая таблица Менделеева перевела химию в совершенно иную, несравненно более высокую плоскость, если внешнее родство элементов стало невольно наталкивать человеческую мысль на единство природы, то открытие радия нанесло смертельный удар всем бывшим до того основными космическим гипотезам. И вот в течение каких-либо 20–30 последних лет, за срок совершенно ничтожный в привычном масштабе истории, все основы науки пошатнулись в самых корнях своих. Если время и пространство, эти основные модусы мышления, были поколеблены Кантом, Шопенгауэром, Лобачевским и Рима-

---

¹ Именно об этом и говорит притча Христа о построении здания на песке и на камне (Мф. 7:24–27). Песок разрозненный и неспособный сохранять приданную форму есть олицетворение разрозненных случайных явлений феноменальной природы, камень есть эмблема твердости и устойчивости синтеза, который вместе с тем есть и источник отдельных манифестаций; они рождаются из него, как из камня рождается песок.

ном, то открытие принципа относительности Эйнштейном^{16]} и теория М. Аксенова и Германа Минковского¹ окончательно показали нелепость приписывания общепринятым воззрениям на них хотя бы доли реальности. Принцип относительности сделал невозможным самый приступ к учению о пространственности и протяжении во времени как о первичных категориях вселенной, а вместе с электромагнитной теорией света Максвелла он окончательно убил гипотезу об эфире². Материя потеряла субстанциональность своего бытия и претворилась лишь в кристаллизированную энергию через открытие радия и дематериализации материи^{17]}. Учение об энергии пыталось одно время стать на место материалистических воззрений, но закон энтропии, в связи с бесконечностью вселенной во времени, своей собственной силой, логически делает невозможным само ее существование³. Таким образом, у величественного здания материалистической науки XIX века, бывшего еще столь недавно, казалось, почти законченным, теперь выбиты все основания^{18]}.

¹ М. Аксенов первый создал теорию о природе времени как четвертой координате протяжения. Идеи Аксенова претерпели ту же участь, как и все другие гениальные русские открытия, то есть были осмеяны и забыты. Так продолжалось до тех пор, пока Герман Минковский совместно с Эйнштейном не провозгласил новое учение на съезде естествоиспытателей в Кёльне в 1908 г. и, таким образом, мысли нашего соотечественника не получили блистательнейшего подтверждения. Из трудов М. Аксенова см.: «Трансцендентально-кинетическая теория времени» (Харьков, 1896) и «Опыт метагеометрической философии» (М., 1912).

² См. знаменитый опыт Майкельсона и Морли, показавший постоянство скорости света вне зависимости от прямолинейного равномерного движения Земли. Работы Лоренца, Эйнштейна, Минковского, Планка и др. совершенно ликвидировали гипотезу об эфире. На русском языке см.: *Ла Роза*. Эфир — история одной гипотезы / Пер. Хвольсон под ред. проф. О. Д. Хвольсона. СПб., 1914.

³ Закон Карно—Клаузиуса — основной принцип термодинамики был формулирован последним (в 1865 г.) так: «Энергия вселенной постоянна, энтропия вселенной стремится достигнуть максимума». Наука XIX в. пришла к синтетическому выводу, что вся жизнь вселенной, все проявления ее энергии суть *следствия разностей потенциалов*. Закон энтропии выражается в том, что все формы энергии переходят в теплоту, которая уже не может быть *в принципе* целиком переведена обратно в механическую энергию. Теплота рассеивается в космическом пространстве, а потому *космическая совокупность разностей энергетических потенциалов постоянно уменьшается*. Материя есть гигантский резервуар кристаллизированной интроатомной энергии, но все же *конечный*. Если мир существует вечно, то вся совокупность энергии неминуемо должна была бы уже рассеяться. Очевидно, что в мире, кроме начала, ведущего энтропию к *максимуму* и вызывающего «смерть теплоты» (Wärmemetod, по выражению Клаузиуса), должно быть другое Начало, ведущее энтропию к *минимуму*, то есть вновь создающее разность потенциалов. Что же это за Начало? Наука XX в. остановилась на этом вопросе, и вот здесь-то к ней на помощь теперь должно прийти Герметическое учение об исходных причинах Бытия. Это Начало есть Дух, Истинная Субстанция, Бог. Энергия, теряемая разрушающимся миром, поглощается Космическим Логосом, и обратно, — падение и дифференциация Логоса есть создание материальной вселенной. Оба этих процесса вечны и непрерывны, взаимно друг друга обуславливают и утверждают. Доказательство этой доктрины и составляет цель настоящего труда; о значении закона энтропии в сказанном смысле см.: *Максвелл К.* Теория теплоты и *Джевонс У. С.* Основы науки.

В настоящее время мы вновь переживаем время ломки старого научного здания, но такой ломки, которой не знает история науки и которая по обширности и основательности далеко оставляет за собой все прежние, все, которые выше были нами приведены в виде примеров. Эта ломка, этот неслыханный по своей грандиозности научный переворот прежде всего тем замечателен, что он почти одинаково затрагивает все отделы физики. Ни одна из частей великого научного здания, сооруженного работой нескольких столетий, не остается в прежнем ее виде; все они до основания разрушаются, вся физика заменяется новой. Но это еще не все! Разрушается не только наука, составляющая достояние сравнительно немногих, но в самом корне переиначиваются основные, элементарнейшие представления обыденной жизни, с которыми мы свыклись с малолетства, которые казались не подлежащими никакой критике, никакому сомнению. Разрушаются даже такие истины, которые никогда и никем не высказывались, не подчеркивались, потому что они казались самоочевидными и потому что ими бессознательно пользовались все и клали их в основу всевозможных рассуждений.

Проф. О. Хвольсон^[9]

Наступающая эпоха бесконечно отлична от только что минувшей; она есть время перелома, подведения итогов, искания новых путей, выявления новых целей. Все виды мышления, все отрасли науки испытали полный внутренний переворот, они изменились настолько, что подчас с прошлым их связывает одно лишь название. Для человека, стоящего вовне этих новых идей, этот великий перелом всемирной истории проходит бесследно, но он не может не чувствовать его, ибо перевороту в сущности соответствует и переворот в форме. Развитие средств сообщения, падение влияния быта, общность форм жизни в различных государствах, уменьшение значения границ, попытки создания международного языка, интернациональность целого ряда организаций, обезличение властей, как центральных, так и местных, чрез видоизменение их в анонимные общества — все это является низшим, внешним отражением духовного стремления человечества к синтезу, к разрушению единичных форм. Великая война, заливающая мир океаном крови, сметающая народы и изменяющая всю жизнь на земле, есть лишь слабый отзвук той великой борьбы, которая происходит в сознании вселенского человечества при столкновении двух великих эпох, бесконечно разнствующих друг с другом.

По закону разделения исторического труда, один и тот же культурный тип, одни и те же народы не могут осуществить двух мировых идей, сделать два исторические дела, и если западная цивилизация имела своей за-

дачей, своим мировым назначением осуществить отрицательный переход от религиозного прошлого к религиозному будущему, то положить начало самому этому религиозному будущему суждено другой исторической силе.

В. Соловьев^[10]

Наше время — это сближение того, что еще так недавно казалось совершенно противоположным, навеки разделенным непримиримостью противоречий. Наука и религия, столь долго имевшие лишь потенциальную связь через философию, теперь все больше сходятся между собой и с удивлением констатируют единство мировоззрений. Как в области позитивных исканий разум стал уходить вглубь, в искание синтеза, так и в религиозной сфере люди стали уходить в мистицизм, в сокровенную сущность религиозных учений. Конечный синтез не может не быть единым, а потому конечный мистицизм и конечный научный синтез оказываются неразрывно связанными друг с другом; оба они выливаются в абсолютное учение, единое, но различно преломляющееся в научный разум и разум религиозный.

«Тайны природы, — говорит иерофант Фракии, — те же, что и тайны религии, и может существовать лишь единая доктрина, ибо существует лишь один принцип существ. Мы чувствуем импульсом нашего гения, что человек рожден для познания, но мы также должны читать природу и качества существ по их оболочкам. Уметь читать эти знаки есть первая степень науки. Но эта природа и эти качества имеют сходство между собой, что надо также уметь понимать, и эти знаки более трудны для чтения, что составляет вторую степень науки; но обнажить существа от их оболочек, видеть их такими, каковы они есть, — это последняя степень науки, и мало кто этого достигает. Тогда только человек делается могущественным и в словах, и в трудах»^[11].

Раскол между религией и наукой, основание которому было положено гуманистами, достиг высшего расцвета своего в конце XIX века; именно в это время позитивизм и мистицизм стали противоположными полюсами человеческого мышления, не только объявившими войну друг другу, но и начавшими вовсе друг друга игнорировать, что и является, конечно, высочайшей степенью непримиримости.

Единство конечной истины не может не выливаться в общую однообразность путей к ней приближения; при всей многообразности отдельных форм вся их совокупность не может не быть проникнута внутренним единством, сказывающимся в стройности и гармоничности совокупной системы всех отдельных путей. Позитивизм и мистицизм в своих конечных степенях развития приводят нас к познанию двух сторон человеческого духа, двух методов его самоутверждения. Как тот, так и другой в своей истинной природе представляют собой осу-

шествление основного стремления духа человеческого познать себя как в сущности, так и в закономерности своей дифференцированной природы. Будучи в этом аспекте сознания тождественными, они являются в другом аспекте противоположными друг другу.

Позитивизм есть стремление человеческого духа сознать себя в синтезе дифференциальной природы, созданном путем внешнего опыта в мире явлений. В силу этого внешняя форма позитивного познания всегда объективна, то есть, иначе говоря, данные, критерий и сама закономерность заключений в нем всегда непосредственно основываются и проистекают из истины внешней — **мира явлений**. В полную противоположность этому *мистицизм есть стремление человеческого духа сознать себя в синтезе дифференциальной природы, путем внутреннего опыта, то есть последовательным отождествлением отдельных аспектов своего «Я» с явлениями внешнего мира и утверждением последних как феноменов, проистекающих из нуменального духа и посему имеющих лишь иллюзорное бытие по закону среды.* В силу этого внешняя форма мистического познания всегда адекватна, то есть, иначе говоря, данные, критерий и сама закономерность заключений в нем всегда непосредственно основываются и проистекают из истины внутренней — из непосредственного **самосознания духа**. Оба вида самосознания взаимно дополняют и утверждают друг друга; в отдельности каждый из них имеет лишь относительную свободу, ибо развитие сознания духа в двух соответствующих аспектах стремится быть параллельным и допускает лишь дифференциально малые колебания. Совершенный человек должен одинаково следовать по обоим путям, совмещая их в полной гармонии. Истинный Маг одинаково всеведущ как в области мистики, так и в области позитивных знаний, и именно совмещение этих двух течений человеческой мысли есть признак, определяющий само понятие о Mage¹. Будучи в своей истинной природе неразрывными, позитивизм и мистицизм в лице своих представителей через обоюдное непонимание разошлись между собой. В сущности говоря, это расхождение было только видимым, иллюзорным, ибо от человека не зависит сущность явлений, и он может изменять лишь кличку. Уйдя целиком во внешнюю форму этих основных течений человеческой мысли и не желая не только воспринимать, но и даже слышать другого учения, представители позитивизма и мистицизма породили каждый

¹ Греческое μάγος, «маг», происходит от зендского mog, mogbed или mobed. Mog значит «священнослужитель» на пехлеви, или среднеперсидском, — языке, который заменил зендский язык в маздеизме в эпоху Сассанидов (*Kleuker. Zend-Avesta. V. II. P. 3*). На зендском языке mēh, mah, произносимое megh, magh, значит «великий», совершенный (*Anquetil-Duperron A. H. Zend-Avesta. Paris, 1771. V. II. P. 555*). Тот же корень мы видим в халдейском языке: мап значит «могучий», «всеведущий» (*Fabre d'Olivet A. Histoire Philosophique du Genre Humain. Paris, 1910. P. 307–308*).

в их собственной среде разделение, вполне подобное тому, которое утверждает позитивизм и мистицизм в области самого духа.

Первоклассные представители позитивной науки не могли не чувствовать мистического пути, но эти свои переживания они или вовсе скрывали, или оставляли в неразработанной форме; таковы, например, Ньютон, Паскаль, Кеплер, Декарт и многие другие. «Лишь малое знание удаляет от Бога, большое вновь приближает к Нему», — сказал первый из них, и этим запечатлел общеизвестный исторический факт, что все великие люди науки и истории были людьми верующими. Эти гиганты позитивной мысли представляют собой *мистический полюс позитивизма*.

Второстепенные работники в области позитивных наук сплошь да рядом запутывались в грандиозности и многообразности мира явлений и забывали среди этого многообразия даже о своем собственном ищущем духе. Если титаны науки, во всеоружии знания, стремились подняться к нему, то ее ремесленники порой начинали видеть небо там, где оканчивалась чувствительность их измерительных приборов. Они не поняли природу синтеза, воспринимаемого чрез беспрестанное увеличение глубины понятий и переход к высшему по аналогии, без нарушения природы категорий, они сочли за синтез *суммарность*, они определили его как агрегат единичных законов. Сюда относятся представители quasi-рационалистических школ материализма и атеизма, как, например, Бюхнер^[12], Геккель^[13], Штраус^[14] и другие; в своей совокупности они и представляют *позитивный полюс позитивизма*.

Истинные носители мистического знамени, познававшие мир непосредственным духовным сознанием, истории неизвестны. Их величие и истинная жизнь раскрываются лишь из эзотерических преданий и символов, из того несказанного обаяния, которое эти адепты имели, как в свое время, так и на пути последующих веков, на все человечество; таковы неведомые мудрецы Гималаев и таинственные иерофанты Египта. Мы не знаем их собственной жизни, их собственных стремлений и достижений, но по грандиозности их светоносного влияния на человечество мы можем мысленно представить себе всю необъятность их собственного величия. Они жили вне и над жизнью, но ничто не проходило без их таинственного влияния, они постигли вполне великий дар незримого управления умственной жизнью человечества чрез ослепительный блеск возвешенных ими скрижалей Вековечной Правды. Эти истинные адепты мистицизма представляют его *положительный полюс*.

Подобно позитивизму, среди мистиков последних веков огромное большинство всецело погрузилось в мир явлений. Но несмотря на тождество изучаемой ими природы, позитивисты позитивизма и пози-

тивисты мистицизма подходили под различными углами зрения. Зная дух и всеобъемлемость его царствования, мистики не могли всецело увлечься формами и явлениями, но вместе с тем они подчас невольно забывали свою конечную цель и целиком силы свои посвящали разработке конкретных вопросов. Идя дедуктивным путем, мистики переходили к изучению дифференциальной природы и настолько увлекались ею, что их исследования теряли всякую связь с синтезом, и, с внешней стороны, они стали вполне подобными узким позитивистам. Сюда относится громадное большинство как средневековых, так и современных мистиков; в своей совокупности они и представляют собой *отрицательный полюс мистицизма*.

Резюмируя изложенное, мы видим, что представители эволюционирующей человеческой мысли разделились на четыре большие группы, чрез расчленение позитивизма и мистицизма, в свою очередь, на два полярно противоположных полюса. Низшей группой являются представители позитивного позитивизма, затем следует мистический позитивизм, потом позитивный мистицизм и, наконец, мистический мистицизм.

Представители позитивного позитивизма потерпели полное фиаско силой самого хода эволюции позитивной науки, как мы это показали в начале настоящего предисловия. Можно сказать, что эта группа существует лишь в историческом прошлом, теперь ее вовсе нет, и сомневаться в этом может лишь тот, до чьих ушей не дошли величайшие открытия человеческого гения за последнюю четверть века. Школа позитивного мистицизма открыто стала провозглашать то, что еще так недавно осмеивалось самовлюбленным невежеством. Соединив в себе весь опыт позитивных изысканий человечества, эта школа вместе с тем идет полным ходом к слиянию с адептами мистицизма. Целый ряд известных ученых убеждены только одной логикой своих опытов в реальности многого из сферы мистики; таковы, например: Крукс и Рассел Уоллес в Англии, Карл Дюпрель и Цельнер в Германии, Эдланд и Турнебон в Швеции, Ломброзо в Италии, Фламмарин, де Роша и Гюстав Лебон во Франции и много других. Если Крукс со своей Кэти Кинг еще мог быть осмеян за то, что при свете позитивного знания он открыто рискнул коснуться области Неведомого, то ныне такие блестящие представители науки, как Резерфорд, Уильям Рамзай¹ и Содди, открыто занимаются исследованием превращений химических элементов и самой дематериализации материи, то есть исполнением заветной мечты алхимиков, окруженные почтительным молчанием позитивистов мира.

¹ См. его новейшие исследования над эманацией радия и превращением меди в литий.

Мне хочется указать на то, что духовный мир культурного человека ныне отделяется от его научного кругозора; что как в былое время рамки религиозной догматики были слишком узки для вмещения человеческого знания, так ныне догматика научного материализма слишком тесна для вмещения всех чувств и потребностей человека. А потому, как религиозные данные растягивались и выпирались, чтобы дать место открытиям геологии или астрономии, так и ныне заключения материалистической науки растягиваются и выясняются, чтобы дать место таким чувствам и стремлениям, игнорировать которые уже нет возможности.

В. Г. Майерс^[15]

Если позитивный позитивизм уже окончательно выполнил задачу свою и потому ушел в царство теней, то мистический позитивизм еще сохраняет жизненность, заканчивая свою миссию, однако и его дни уже сочтены. Мистицизм средних и новых веков в Европе вылился в совершенно особую форму, присущую лишь ему одному и резко отличающую его от мистицизма Древнего мира. Первое, что прежде всего бросается в глаза, — это отсутствие самодовлеющей философии. Если история древности есть история философских систем, то, наоборот, весь европейский мистицизм проникнут привязанностью к семитической космогонии, поистине достойной лучшей участи. Европейским мистицизмом не было создано ничего самобытного, так и того, что хоть сколько-нибудь относилось к миру причин. Он не только забыл всю многокрасочность древних эзотерических учений, но даже потерял память о философско-религиозных системах Индии, дойдя до полного игнорирования всего, что не заключалось в *мистицизме габраизма*^[16]. Все усилия средневековых и новейших мистиков сводились к разработке конкретных вопросов, единичных теорий, но и эти изыскания они неведомо зачем покрывали столь густым покровом эзотеризма, что воистину можно сказать — легче самому воссоздать любую из мистических теорий, чем расшифровать многотомные и туманные фолианты новейших мистиков¹.

При сравнении между собой дошедшего до нас древнего мистицизма, хотя бы Пуран и Упанишад Индии, с темными хитросплетениями Парацельса, Постеля, Этейлы и других невольно бросается в глаза, что, в то время как древность гласит как живой глагол,

¹ «Это все равно что вылавливать драгоценный жемчуг из соленой и мутной воды. Его, правда, находишь, но приходится выискивать его при слишком уже странных и докучливых условиях» (*Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками* / Пер. под ред. проф. А. И. Введенского. СПб., 1913. Т. 1. С. 93).

власть имеющий, так, наоборот, у новейших мистиков дух живой давно отлетел. Трепетно жаждавший конечной и абсолютной Истины, древний индус уходил в недра своего чистого духа, сокращал все свое существо в единый волевой синтез, забывал свою личность и на могучих крыльях гордого самосознания своего «Я» воспарял в безбрежный океан Единого Вселенского Духа, грезящего о Своей Майе, вечно изменчивой, вечно трепещущей совокупности бесконечных свойств, потенциальных форм» — различных модусов Его Самосознания. Индус отвергал все, он искал одну лишь Реальность, он стремился к ней, и он ее находил! Древний индус, как и древний египтянин, своим духом плавал в вечности, он наслаждался счастьем предвосхищения конечного достоинства Божественного Совершенного Человека, себя во всем сознавшего, себя во всем утвердившего, от всего отрекшегося, погрузившегося в Ничто и ставшего Всем. Индусы и египтяне любили науку, но их знание было самой жизнью; отвергая форму в принципе, они умели реализовать свои воззрения, и могучим духом своим они свели ее в иллюзию совершенную. Их наука, их знание были оплотом свободы, они наполняли их дух простором великим, давали ключ к реальным законам, давали реальную власть.

Даже самая возвышенная философия европейцев, идеализм разума, выдвинутый греческими философами, кажется в сравнении с обильным светом и силою восточного идеализма какой-то маленькой Прометеевой искрой, слабой, дрожащей и всегда готовой погаснуть среди целого наводнения божественного сияния полуденного солнца.

К. Шлегель

Веданте принадлежит особое, единственное место между системами философии всего мира. Возвысив «Себя» человека или истинную природу Эго, веданта связывает его с Сущностью Божества, Которое безусловно Непорочно, Совершенно, Бессмертно, Неизменяемо и Одно. Ни один философ, ни даже Платон, Спиноза, Кант, Гегель или Шопенгауэр не достигли такой высоты философской мысли... Ни один из философов, не исключая Гераклита, Платона, Канта или Гегеля, не отважился воздвигнуть такой высокий монумент, на вершине которого уже не страшны ни бури, ни молнии. Камень следует там за камнем в строгой последовательности, после того как однажды первый шаг был сделан, после того как однажды ясно было усмотрено, что вначале мог быть только Один, подобно тому, как и в конце будет только Один, назовем ли Его Атманом или Брахманом.

М. Мюллер

Нет ничего более возвышенного и благодетельного для человечества, чем изучение Упанишад. Они были утешением в моей жизни и будут утешением в моей смерти.

А. Шопенгауэр

Европейские мистики нашей эры были истинным олицетворением бессилия. Из уст в уста они передавали древние как мир тайны, старательно оберегая их от непрошенных любопытных взоров, наивно и дерзновенно думая, что сохранение истины и незапятнанность ее грубыми руками невежд может зависеть от их личных действий. Таинственность превратилась для них в забаву; эзотеризм всякой истины, как естественного удела лишь призванной аристократии духа, был понят ими как скрывание клада от хищников; они сберегли этот клад, но годы пребывания его в земле сделали свое дело, и когда они попытались впервые отрыть его, то невольно убедились, что все истлело. Скрывая, они могли скрыть лишь от себя самих, они сделали это и поэтому стали посмешищами своего рока.

Религия разделяется на внешнюю и внутреннюю, равно и школы Премудрости разделяются на внешние и внутренние; внешние владеют буквой иероглифов, а внутренние — духом и смыслом; внешняя религия соединяется с внутренней обрядами, внешняя школа мистерий соединяется с внутренней иероглифами. Сыны Истины! Существует лишь Единый Орден, Единое Братство, Единый Союз Единомышленников, цель которых овладеть Светом, и только неразумие воздвигло из этого центра бесчисленное множество орденов. Множественность лежит в обрядах внешнего, а Истина только во внутреннем. Многочисленность братств зависит от разнообразий иероглифических толкований, согласно времени, нуждам и обстоятельствам; истинное же Собратство Света может быть только Единым. Всякие ошибки, всякие расколы, веяния, недоразумения, все, что в религиях и тайных обществах дает повод к стольким заблуждениям, относится исключительно к букве, а дух остается неприкосновенным и святым. Все это относится к внешнему покрову, на котором написаны иероглифы, церемонии и обряды, и нисколько не касается внутреннего. Наше желание, наша цепь, наша обязанность — оживить всюду мертвую букву, всюду придать душу иероглифам, а безжизненным знакам живую истину, всюду сделать бездеятельное деятельным, а мертвое живым. Но все это мы способны совершить не сами по себе, а духом того света, который является Премудростью, Любовью и Светом Мира и который желает стать нашим духом и нашим светом. До сих пор самое внутреннее святилище было отделено от храма, а храм осаждался находящимися в преддверии; наступает время, когда внутреннейшее святилище должно соединиться с храмом, чтобы находящиеся в храме могли воздействовать на тех, кто в преддверии, пока

преддверия не будут отброшены вовне. В нашем тайном святилище все мистерии Духа и Истины сохранились в чистоте, и никогда оно не могло быть осквернено профанами или запятнано нечестивыми. Святилище это невидимо, как невидима сила, познаваемая лишь по ее действию. В нашей школе можно всему научиться, ибо Наставник нам — это Сам Свет и Его Дух. Наши науки это наследие, обещанное избранным или тем, кто способен получить Свет, а знание наших наук есть полнота Божественного Союза с детьми людей.

К. фон Эккартсгаузен^[17]

В мире нет ничего нового, человеческая цивилизация движется по спирали, и из века в век люди проходят по тем же самым путям, лишь различно расцветивая их согласно своим индивидуальным особенностям. Известная нам история охватывает ничтожную часть истинной, полной истории; она не сохранила памяти о минувших блистательных эрах и деятельности человечества как в мире духа, так и в мире разума. Истина и стремление к ней человека вечны; как реальность, она не может не быть единой. Вот почему Высшее Ведение, почерпнутое из потаеннейших областей духа, не может зависеть от внешних условий; незыблемость сущности должна выливаться в незыблемость в разуме. Учение об истине на пути веков было преемственно, оно пережило не только расу, впервые поднявшуюся до него, но и самую память о ней; из века в век оно хранилось служителями своими, которые суть истинные представители аристократии духа. Запечатленное в символах, оно дошло до нас в древнейшем памятнике мысли человеческой, происхождение которого теряется в тумане времени. Этот памятник — Священная Книга Тота¹, Великие Арканы Таро.

Через завесу всех иерархических и мистических аллегорий древних учений, сквозь мрак и причудливые испытания всех Посвященных, за печатью всех Священных Писаний на развалинах Ниневии и Фив, равно как на изъеденных временем камнях древних храмов, на почерневших лицах сфинксов Ассирии и Египта, в чудовищных или чудесных рисунках, переводящих для верующих Индии священные страницы Вед, в странных эмблемах наших старых алхимических книг, в церемониях приема, практиковавшихся всеми таинственными обществами... повсюду мы находим следы Единой Доктрины, повсюду тождественной, повсюду тщательно скрываемой... Окультизм философия, по-видимому, была кормилицей или крестной матерью всех религий, тайным рычагом всех интеллектуальных сил,

¹ Тот есть олицетворение Божественной Премудрости, он есть «Бог письмен», «Владыка Божественных Словес», «Владыка Истины» — см.: *Leblois L. Les Bibles et les Initiateurs religieux de l'Humanité. Paris, 1885. V.3. P. 434.*

ключом ко всем Божественным таинствам и абсолютной властительницей общества в години, когда она была исключительно предназначена для просвещения первосвященников и царей.

Она царила в Персии вместе с магами, которые погибли, как погибают повелители мира, злоупотребившие своим могуществом; она одарила Индию самыми чудесными преданиями и невероятной роскошью поэзии, прелести и ужаса своих эмблем; она просветила Грецию при звуках лиры Орфея; в смелые вычисления Пифагора она вложила конечные принципы всех наук и всех успехов человеческого духа, она исполнила сказку своими чудесами; история, как только бралась за изучение этого неведомого могущества, сама претворялась в сказку; своими оракулами она потрясала или утверждала империи, заставляла бледнеть тиранов на их тронах и господствовала над всеми умами, маня своей таинственностью или преклоняя их страхом. Для этой науки, говорила толпа, нет ничего невозможного: она повелевает элементами, знает язык звезд, луна на ее зов падает кровавой с неба, мертвецы встают из своих могил, повторяя замогильный шепот ночного ветра, пронсящегося через их черепа. Властительница любви и ненависти, наука может доставить по своему желанию рай или ад сердцам людей; она всецело располагает всеми формами и распределяет, как ей угодно, красоту и безобразие; при помощи палочки Цирцеи она превращает также людей в скотов и животных в людей, она располагает даже жизнью и смертью и может доставить своим адептам богатства посредством превращения металлов и бессмертия при помощи своей квинтэссенции и своего эликсира, составленного из золота и света. Вот чем была Магия от Зороастра до Манеса, от Орфея до Аполлония Тианского, до того как позитивное христианство, восторжествовав наконец над прекрасными мечтаниями и грандиозными стремлениями александрийской школы, осмелилось публично поразить эту философию своими анафемами и таким образом заставило ее стать еще более скрытой и таинственной, чем когда бы то ни было прежде.

Э. Леви^[18]

Бесчисленные поколения людей отошли в вечность с тех пор, как человек впервые сознал свое царственное на земле достоинство. Самые имена племен и народов заволоклись постепенно веками и исчезли в их тьме. Всепоглощающее время вычеркнуло навсегда из нашего сознания даже мысль о возможности устремить наш умственный взор в седую древность человечества. Справедливо сказано, что если история человечества длится сутки, то мы едва ли знаем последние пять секунд. Египет, Китай, Вавилон и Индия — вот пределы, за которые не может проникнуть пыливый глаз историка. Былины, легенды и мифы освещают еще несколько тысячелетий в глубь веков, — затем

все заволакивается непроглядной тьмой. Бесчисленное множество раз, даже за сравнительно ничтожный период известной нам мировой истории, изменялись клички народов, иссякала и вновь возникала юная кровь, создавалась культура и вновь разрушалась. Как в калейдоскопе, сменялись поколения людские с мыслями, надеждой и верой и вновь уходили в область забвения. Ничто не оставалось неподвижным, все варьировалось, все изменялось. Волны людские смывали, растворяли в себе, а подчас и совсем уничтожали предшествовавшие цивилизации, катились неудержимо, слабели и затухали. Ничто не вечно, все проходит, все забывается.

Бурное море своими волнами, вечно бурлящими, гордыми и могучими, неустанно изменяет лик земли: скалы рассыпаются в песок, спокойно лежащий на дно, горные вершины исчезают в пучине. Но и само могучее море иногда встречает отпор в своем неудержимом стремлении. Вот встречает оно мощную грудь вулкана; с ревом несутся бешеные волны, гибнет все вокруг, самые скалы — подошвы гиганта — колеблются; кажется, еще немного, и наступит его неизбежная гибель. Но вот, как бы проснувшись, вздохнет своей грудью вулкан и из недр его поднимутся волны лавы, — и снова он делается грозным и непреодолимым. А между тем вокруг море продолжает свою работу; новые и новые земли захватывает оно, и через несколько тысячелетий вся страна опускается на дно морское; один вулкан остается недвижим и все растет. Забудется имя страны, с недоумением будет встречать мореплаватель гиганта, но если он будет достаточно пытлив, смел и настойчив, то в слоях пепла он найдет остатки былых времен и сможет постигнуть историю злосчастной страны.

Так, среди бурных волн всепоглощающего океана времени стоит недвижимо великий Памятник давно минувшего. Откуда он, где его родина, какой сверхчеловеческий гений дал ему силу противостоять всему — мы не знаем и, вероятно, знать не будем. Но его древность, древность баснословная сравнительно с жалким отрывком истории, ведомой нам, уже должна внушить благоговейное к нему отношение. Сколь же безмерно вырастает его величие, в сколь могучего гиганта он превращается, когда перед нашим восхищенным взором открывается, что кроме самой древности его жизни в этом Памятнике неисповедимыми путями сокрыты начала всех нитей от всех деяний человечества за всю его планетную жизнь? Этот памятник нам, европейцам, известен под именем Священной Книги Тота — Великих Арканов Таро.

Многие десятки веков тому назад царствующая ныне на земле белая раса получила от своей предшественницы это великое наследие, этот великий синтез знания человека и доступного его

гению Откровения Божественного. Она по достоинству оценила его, и этот Памятник Божественной Мудрости лег в сущность всех Посвящений. Эта великая основа проявляется в каждой религии постольку, поскольку она возвышается над дифференциальными частностями, возносится над условиями быта и времени ее народа и выявляет из своего существа отблеск абсолютного учения о вечной истине.

Все религии сохранили память об одной первичной книге, написанной иероглифами мудрецами первых веков мира, символы которой, будучи впоследствии упрощены и вульгаризированы, послужили Писанию буквами, Слову — категориями, а оккультной философии — ее таинственными знаками.

Э. Леви^[19]

Есть лишь единый Закон, единый Принцип, единый Агент, единая Истина и единое Слово. То, что вверху, по аналогии подобно тому, что внизу. Все, что есть, есть — результат количеств и равновесий. Ключ затаенных вещей, ключ святилища! Это есть Священное Слово, дающее адепту возвышенный разум оккультизма и его тайн. Это есть квинтэссенция философий и верований; это есть Альфа и Омега; это есть Свет, Жизнь и Мудрость Вселенские... Древность этой книги теряется в ночи времен. Она индийского происхождения и восходит до эпохи несравненно более древней, чем время Моисея. Она написана на отдельных листах, которые раньше были сделаны из чистейшего золота и таинственных священных металлов... она символична, и ее сочетания обнимают все чудеса духа. Старая с бегом веков, она тем не менее сохранилась — благодаря невежеству любопытных — без изменений в том, что касается ее характера и ее основной символики в наиболее существенных частях.

Эти строки цитирует Е. П. Блаватская в своей «Тайной Доктрине» с какого-то манускрипта о Таро — Священной Книги Еноха^[20]. Относительно замечания об индийском происхождении Таро Блаватская пишет следующее:

Говорят, что Таро «индийского происхождения», потому что оно восходит к первой подрасе Пятой Расы — Матери, до окончательного разрушения последнего остатка Атлантиды. Но если оно встречается у предков первобытных индусов, то это не значит, что оно впервые возникло в Индии. Его источник еще более древен, и его след надо искать не здесь,

а в Himaleh¹, в Снежных Цепях. Оно родилось в таинственной области, определить место нахождения которой никто не смеет и которая вызывает чувство безнадежности у географов и христианских теологов, — области, в которой Брахман поместил Свою Kailâsa, гору Меру и Parvati Pamiр, извращенный греками в Парапамиз^[21].

Истина одна, но к ней можно подходить различными путями, и мы, естественно, должны выбрать путь наиболее доступный. В наиболее чистой форме Божественная Доктрина, вложенная в Великие Арканы, покоится в Посвящении страны иерофантов. Здесь именно они были выражены с наибольшей отчетливостью сознания их величия, они были действительной основой всей религии, в то время как в других странах они были сокрыты покрывалом эзотеризма. Вместе с тем учение священной страны Кемі само по себе более доступно испытующему духу нашему, ибо вся европейская культура развивалась под его влиянием, чрез посредство семитического Откровения, иудейства и христианства и чрез мистицизм оккультных течений Запада, которые источником всех своих знаний открыто почитали учение Гермеса Трисмегиста, Великого Посвященного, Основоположника египетской науки и Посвящения.

С нашествием Камбиза великолепие Египта отошло в область предания. Несколько месяцев подряд победоносное войско тем только и занималось, что, раскалив сначала при помощи костров пилоны и статуи, обелиски и барельефы, вековые творения гения египетского, затем поливало их холодной водой, чтобы добиться их разрушения на такие осколки, которые затем, будучи развезены в разные стороны, могли бы быть без особых усилий бесследно уничтожены. Во всей долине Нила не осталось ни одного храма, ни одного памятника, которого бы не коснулась рука этого непреклонного исполнителя воли судеб.

Несмотря на все их усилия, победители разрушили только то, что должно было быть разрушено. Деяния рук человеческих погибли, но дух древних иерофантов продолжал жить, таясь в недоступных убежищах. С воцарением Птолемеев Египет еще раз развернул свою древнюю мощь, и чудо света, Александрийский маяк, как издревле сфинкс, стал эмблемой страны вечного стремления, блистающим светом своим озарявшей весь мир на пути стольких столетий. Но пришел час, предначертанный судьбой, и наступил конец всему. Среди диких воплей черни и исступленных выкрикиваний фанатиков, выдававших себя за

¹ Возможно, что Покок вовсе не сделал ошибки, производя немецкое Himmel (небо) от слова Himâlaya, и нельзя отрицать, что индусское слово Kailâsa (небо) есть отец греческого слова κοῦλον (небо) и латинского Coelum. — *Прим. Е. П. Блаватской.*

лучших служителей Бога-Света, пал древний Серапис, оплот египетской мудрости. Теон и Ипатия запечатлели кровью своей беззаветную преданность знанию на ступенях александрийского храма Мудрости, ставшего последовательно добычей фанатических орд Омара и епископа Феофана¹. Полгода горели на площадях костры и топились бани сотнями тысяч папирусов, повествовавших о минувшей жизни людей, их стремлениях, их знаниях и их открытиях. Светивший тысячелетия свет из древней священной страны померк; Египет, его всемирная слава, его величие и знание безмерное погрузились в область забвения, ушли туда, откуда уже нет возврата.

Истина и стремление к ней человека вечны; нет в мире силы и быть такой не может, которая могла бы их превозмочь; весь мир мог погибнуть, и в наступившей калиюге мог остаться лишь один человек, но и тогда Истина продолжала бы кротко сиять в его сердце, а дух его продолжал бы к ней пламенно стремиться. Погиб весь блеск Египта, погибли храмы, погиб оплот мудрых, живших стремлениями вне жизни земной, — наука о Вечной Истине погибнуть не могла, она бессмертна, и волны людского безумия не могли ее поколебать! В ослеплении объявляя войну Небу, человек этим лишь сам изгоняет себя из его пределов; Абсолютное и Вечное непрестанно озаряет все вокруг Себя, — слабая воля людская ни на йоту не может ослабить или изменить Его Бытие и Свет; в ее власти — лишь степень восприимчивости самого человека. Когда дух его чист и ясен, он может невозбранно приближаться к Свету, и Истина предстает пред ним в неописуемом великолепии Своей Первородной Чистоты. В годину падения, когда помутившийся или еще спящий разум оказывается не в силах сдерживать беснующихся страстей, человек теряется в их сатанинском хаосе и сам сковывает себя по рукам и ногам. Светлый лик Иисуса, объемлющей все в Себе, отражает тогда для его взора лишь свистопляску его безумств и мучений во всей дерзновенности их уродливости. Видя это и чувствуя внутренне правдивость осуждения, человек бросается в бездну с еще большим неистовством, наивно думая найти себе этим покой. Первые века христианской эры — это, с одной стороны, повальное восстание рабов, а с другой — появление на арене мира варварских полудиких народов. Античный мир быстро склонялся к закату, а с ним уходили и его боги, его наука и его тайны. Внешним образом все погибло, но в действительности эта катастрофа была только кажущейся. На лик Иисуса, Богини Истины, спустилась вуаль еще более темная и непрозрачная, чем когда бы то ни было прежде. Открыто проповедо-

¹ Александрийская библиотека, частью сожженная Цезарем в 48 г. до н. э., была почти совершенно уничтожена христианами в 390 г. н. э. и окончательно dokonчена Омаром в 640 г. н. э.

вавшееся знание укрылось в символах, легендах и мифах, и, уйдя таким образом от взоров толпы, оно пережило гордое царство фараонов и распространилось по всему миру.

Одежды Истины меняются, но сама Богиня и Ее Дух непоколебимы и вечно испускают лучи под временными изменениями буквы.

C. de Guäima ^[22]

Прошло лишь несколько десятков лет, и дети полчищ Омара создали великолепный Арабский халифат. Гарун аль-Рашид, Ибн-Юнус, Насреддин, Сабит ибн Курра и Сулейман стали все силы свои устремлять к тому, чтобы восстановить величие александрийской науки. С победой Тарика мусульманские владения стали надвигаться и на Европу; хотя Карл Мартелл при Пуатье и положил предел их политическому распространению, все же веяние арабского гения проникало далеко, и странствующие философы, алхимики и астрологи распространяли обрывки знаний повсюду, пока лютое подавление альбигойцев не заставило ищущих Правды начать скрывать свои стремления густым покровом тайны.

Герольды и трубадуры, странствующие рыцари и монахи нищенствующих орденов разносили отзвуки эзотерического мистицизма повсюду, от турниров гордых вассалов до скромных жилищ простого народа, иерусалимские войны еще более укрепили связь с сарацинами, и если на Западе Крест восторжествовал над Луной, то на Востоке мистические искания повергли в прах даже пламенный фанатизм крестоносцев. Рыцари Храма, на пути целых веков, на острове Мальта, стали открытыми искателями в области Неведомого, и самая казнь Жака дю Молле у Сен-Антуанских ворот Парижа на медленном огне с его ста тринадцатью товарищами Филиппом Красивым привела лишь к созданию Общества вольных каменщиков, которое с учреждением института *maçons adoptés* претворилось в масонские толки, скованные впоследствии общностью дела Вестгауптом и затем открыто соединившиеся во всемирное братство работой Альберта Пайка, благодаря учреждению им *Palladismum Novum Reformatum* ^[23].

Так, на пути веков, среди хаоса племен и народов, культов и верований, внешних форм и окрасок, сохранялась преемственная связь, начиная с древних иерофантов Египта, переходя последовательно через неоплатоников, гностиков и философию арабов, тамплиеров, розенкрейцеров, Раймунда Луллия, Парацельса, Флудда, Филалета, Кроллиуса, Мейстера Эххарта, Корнелия Агриппу, Иоанна Тритемского, Генриха Кунрата, Николаса Фламмея, Кнор де Розенрота, Пико делла Мирандолы, Рейхлина, Бёме, Гиштоля, Джордано Бруно, Лэда,

Мартинеса ди Паскуалиса, Дютца-Мамбрини, Сен-Мартена, Молитора, Фабра д'Оливе, Ж.А. Сент-Ива д'Альвейдра, Гужено де Мюссе, Элифаса Леви, Станисласа де Гуайта и кончая современными новейшими мистическими течениями йогизма и теософии¹.

Но как бесконечно далек мистицизм иллюминатов, розенкрейцеров и мартинистов, этих жалких представителей когда-то столь великого западного Просвещения, от блеска Царственной Науки долины Фив! Из поколения в поколение передавалась лишь буква, дух живой давно отлетел, и лишь отдельные, отмеченные свыше искатели в тайниках сердца своего воссоздавали отблеск величия Древнего Знания.

Мировая история всегда делилась, как будет делиться и впредь, на периоды накапливания фактов и на периоды их обобщения и синтеза. Наша эра, последние две тысячи лет, и является именно таким периодом накапливания фактов и отсутствия ярких проблесков человеческого гения. Мы переживаем грустную эпоху, которой древние индусы дали имя «калиюги», «годины смерти», ибо во время ее призваны к деятельности лишь низшие стороны человеческого существа. *Эпоха расцвета Египта — это последний отзвук предшествовавшей расы человечества, отошедшей в вечность.* Время Гермеса, Рамы, Орфея и Кришны миновало безвозвратно; пред человечеством лежит задача создать новый синтез, еще более великий и грандиозный, чем все бывшие ранее. Исполнение этого и есть миссия грядущих тысячелетий. Наша же задача должна сводиться к тому, чтобы приуготовлять это великое дело, а потому, не разрывая связи с прошлым, мы должны приспособить его к нашим условиям, к нашему мышлению и, при свете

¹ Теософическое общество, как известно, основано нашей соотечественницей — Еленой Петровной Блаватской. Ее бесспорно исключительная личность в продолжение немногих лет создала переворот в умственном мире человечества. В самую мрачную эпоху черствого материализма ее гений открыл многим тысячам людей врата в иную область, к лицезрению Истины в ореоле ее вечности. К глубокому сожалению, в теософии в последнее время возник ряд весьма нежелательных течений; главнейшая причина этому та, что многие доктрины Е. П. остались непонятыми. Ее «Тайная Доктрина» и «Разоблаченная Изида» оказались настолько недоступными широкому кругу читателей, что, например, в России, при всей известности Е. П., в ней видят лишь «Радду-Бай» (псевдоним Е. П.) — автора фельетонов-повестей: «В горах и дебрях Индостана», «В голубых горах» и «Дурбар в Лагоре».

Новейшее мистическое движение в Индии было возбуждено недавно умершим последним индусским пророком Бхагаваном Шри Рамакришной Парамахамсой. Если теперь нет в мире образованного человека, кто бы хоть по слуху не знал понятий об эзотеризме и тождестве всех религий всемирной истории по их внутренней сущности, то этим человечество обязано гению двух людей: Е. П. Блаватской и Шри Рамакришны. Миссия Бхагавана целиком и вылилась на то, чтобы спасти человечество, когда оно вплотную подошло к бездне ужаса, отчаяния и безумия материализма. Через своих учеников, понесших его благовестие в Европу и Америку, он первый из учителей широко приоткрыл покрывало Исиды для взора каждого. Вивекананда, Абхедананда, Рамачарака, Чаттерджи и другие суть первые из проповедников, начавшие говорить открыто, непосредственно воздействуя на интеллект слушателей и учеников.